

Библейско-богословская коллекция
БИОГРАФИЧЕСКАЯ СЕРИЯ

**ПАМЯТИ
ПРОФЕССОРА СПбДА
ВАСИЛИЯ ВАСИЛЬЕВИЧА
БОЛотоВА**

**10-летие со дня его кончины
и открытие бюста в актовом
зале академии**

© Сканирование и создание электронного варианта: издательство «Аксион эстин» (www.axion.org.ru), 2006.

Санкт-Петербург
Аксион эстин
2006

ПРОФЕССОРА С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ

ВАСИЛІЯ ВАСИЛЬЕВИЧА
БОЛОТОВА.

Десятилѣтіе со дня его кончины 5 апрѣля 1910 года и откры-
тіе бюста въ актовомъ залѣ Академіи 29 января 1912 года.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. Меркушева. Невскій, № 8.
1912.

ПРОФЕССОРЪ
ПРАВОУ ВАСИЛИЙ
ЕВГЕНОВИЧЪ
1854-1879-1900

I.

Десятилѣтняя годовщина со дня кончины профессора Василя Васильевича Болотова.

5 апрѣля исполнилось десять лѣтъ со дня кончины знаменитаго профессора нашей Академіи Василя Васильевича Болотова, въ теченіе двадцати лѣтъ занимавшаго въ ней кафедре общей церковной исторіи. Въ его лицѣ и свободное научное творчество, и спеціально-профессорскій талантъ достигли высшей для нашей Академіи степени своего проявленія. На недавнемъ столѣтнемъ юбилеѣ Академіи въ устныхъ и письменныхъ привѣтствіяхъ, обращенныхъ къ ней, имя Василя Васильевича Болотова прозвучало громче всѣхъ другихъ ученыхъ именъ ея: оцѣнка общаго научнаго значенія его и за стѣнами Академіи, въ высшихъ духовныхъ и свѣтскихъ ученыхъ кругахъ, оказалась такой же высокой, какъ и въ родномъ ему академическомъ кругу.

Въ Академіи же профессоръ В. В. Болотовъ во всѣ эти десять послѣднихъ лѣтъ какъ бы продолжалъ оставаться на своемъ посту. Одинъ за другимъ намѣченные его вѣрнымъ глазомъ молодые ученые его изъ академическихъ учениковъ всходили на кафедру академическаго актовaго зала для защиты магистерскихъ диссертаций. Въ „Христіанскомъ Читеніи“, „Византійскомъ

Временникъ“ и другихъ изданіяхъ продолжали печататься его ученые труды (оставшіеся послѣ него въ рукописяхъ). Въ приложеніи къ „Христіанскому Чтенію“ стали выходить въ свѣтъ его „Лекціи по исторіи древней церкви“. Первый выпускъ ихъ вышелъ въ 1907 г. отдѣльнымъ изданіемъ. Второй выпускъ оканчивается печатаніемъ. За ними послѣдуетъ вскорѣ и третій. Изданіе „Лекцій“ Василия Васильевича Болотова предпринято Академіей по настойчивымъ просьбамъ учениковъ его на собранныя ими деньги (хотя и не безъ возраженій со стороны близкихъ къ нему лицъ, знавшихъ принципиальный взглядъ его на посмертныя, не самими авторами редактируемыя, изданія вообще). Благодаря этому изданію, лучи свѣта отъ великаго научнаго таланта и несравненной эрудиціи его, хотя и черезъ не совсѣмъ безпримѣсную посредствующую среду, начинаютъ послѣ его смерти путемъ печатнаго слова проникать и туда, куда онъ при своей жизни совсѣмъ и не собирался ихъ направить. Самъ онъ въ своихъ всегда и всецѣло оригинальныхъ научно-литературныхъ произведеніяхъ сообразовался только съ интересами высшихъ сферъ чистаго научнаго знанія.

Въ воскресенье, 4 апрѣля, заупокойную литургію въ академической церкви совершилъ почетный членъ нашей Академіи, высокопреосвященный Николай, архіепископъ Варшавскій, въ сослуженіи профессоровъ—протоіереевъ С. А. Соллертинскаго и М. И. Орлова и студентовъ—священниковъ и діаконовъ. По окончаніи литургіи архіепископъ съ сослужившимъ ему духовенствомъ, въ сопровожденіи профессоровъ, студентовъ, бывшихъ учениковъ, почитателей покойнаго Василия Васильевича, торжественно, при несмолкавшемъ пѣніи студенческаго хора, прослѣдовалъ на Никольское кладбище Александрo-Невской Лавры. Многочисленная толпа вплотную со всѣхъ сторонъ окружила сооруженный на его могилѣ любовію учениковъ и почитателей его гра-

нитный памятникъ, къ подножію котораго чья-то сочувственная рука принесла живые цвѣты. У памятника, передъ красующимся на немъ большимъ образомъ св. Василія Великаго, отслужена была владыкой литіа. Въ концѣ литіа студентъ III курса академіи А. Акимовъ произнесъ рѣчь, въ которой повѣдалъ присутствующимъ о томъ чувствѣ благоговѣйнаго умиленія передъ идеально-ученою личностію Василія Васильевича Болотова, которое неизмѣнно живетъ среди студенчества С.-Петербургской Академіи, передаваясь въ немъ изъ поколѣнія въ поколѣніе, какъ самое дорогое наслѣдіе минувшей славной жизни Академіи. Высокопреосвященный Николай, съ своей стороны, въ живомъ, импровизированномъ словѣ обрисовалъ образъ покойнаго Василія Васильевича, какъ истиннаго христіанина, и призывалъ учащуюся академическую молодежь къ дѣятельному подражанію всему жизненному подвигу его, и подвигу его научнаго воодушевленія и труда, и подвигу истинно-христіанской его жизни.

5 апрѣля, въ 6^{1/2} часовъ вечера, панихиду по приснопамятному рабѣ Божіемъ Василіи совершилъ въ академическомъ храмѣ почетный членъ Академіи высокопреосвященный Тихонъ, архіепископъ Ярославскій, въ сослуженіи намѣстника Лавры архимандрита Теофана, профессоровъ Академіи, имѣющихъ священныи санъ, столичныхъ священниковъ — учениковъ почившаго, въ томъ числѣ почетнаго члена Академіи прот. Т. А. Налимова, и священниковъ-студентовъ. По окончаніи панихиды открылось въ актовомъ залѣ особое, устроенное Совѣтомъ Академіи, торжественное собраніе въ память незабвеннаго для нея Василія Васильевича Болотова. Вблизи кафедры на особомъ пьедесталѣ, изящно декорированномъ зеленѣющими растеніями (въ изобиліи доставленными управленіемъ Лавры), возвышался портретъ Василія Васильевича въ лавровомъ вѣнкѣ. На торжественное академическое собраніе прибыли, кромѣ преосв.

Тихона, присутствовавшіе и за панихидой, высокопреосвященные архіепископы Никандръ Литовскій и Арсеній Псковскій, преосвященные епископы Іоаннъ Полтавскій и Іоакимъ Оренбургскій, г. оберъ-прокуроръ Св. Синода С. М. Лукьяновъ, академическая профессорская корпорація, ученики, почитатели и почитательницы ученыхъ трудовъ Василя Васильевича. Кругомъ нихъ плотными рядами размѣстились студенты Академіи.

Собраніе открылось вступительнымъ словомъ проф. И. С. Пальмова. Въ трогательныхъ выраженіяхъ онъ подѣлился съ присутствующими своими воспоминаніями о поистинѣ праведной кончинѣ и послѣднихъ прекрасныхъ предсмертныхъ минутахъ Василя Васильевича, единственнымъ изъ близкихъ людей свидѣтелемъ которыхъ судилъ ему Богъ сдѣлаться ровно десять лѣтъ тому назадъ въ тотъ именно часъ наступавшаго уже вечера (умеръ между 7 и 7^{1/2} часами), къ которому онъ теперь обращался мыслью съ академической актовой кафедрой. Отъ этихъ воспоминаній о происшедшемъ тогда въ далекой Крестовоздвиженской общинѣ онъ перешелъ къ изображенію того, что пережила вся академическая профессорская и студенческая семья, получившая печальное извѣстіе о смерти Василя Васильевича въ академическомъ храмѣ во время всенощнаго бдѣнія (наканунѣ Великаго четверга), что она пережила и какъ проводила свою неожиданно закатившуюся славу къ мѣсту послѣдняго упокоенія. Живыя скорбныя воспоминанія товарища-друга произвели на все собраніе сильное впечатлѣніе. Закончилъ И. С. Пальмовъ свое вступительное слово краткой общей характеристикой религіозно-нравственной личности и научнаго міровоззрѣнія Василя Васильевича.

Проф. А. И. Бриллиантовъ охарактеризовалъ В. В. Болотова, какъ ученаго съ самыми строгими научными требованіями и съ идеальной подготовкой для выполнения этихъ требованій въ самой полной мѣрѣ. В. В.

Болотовъ, по словамъ оратора, въ своей учено-литературной дѣятельности всегда выступалъ только съ новыми для науки результатами и далъ цѣлый рядъ высокоцѣнныхъ изслѣдованій изъ области церковной исторіи, въ особенности исторіи восточныхъ (негреческихъ) церквей. Ясности и жизненности сдѣланной А. И. Бриліантовымъ характеристики особенно много помогло то обстоятельство, что онъ воспользовался для нея частными неизданными письмами Василя Васильевича, давшими возможность присутствующимъ ознакомиться не только съ научно-методологическими воззрѣніями его, но и съ его неподражаемымъ по силѣ экспрессіи языкомъ.

Проф. И. Е. Евсѣевъ въ своей рѣчи съ чувствомъ глубокаго душевнаго расположенія воспроизвелъ общія условія ученой и личной жизни В. В. Болотова. Со скорбью онъ указалъ и на нѣкоторыя неблагопріятныя для научной его дѣятельности обстоятельства въ академической и личной обстановкѣ его жизни, подчеркнувши то, что на фонѣ этихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ еще болѣе рельефно выдѣлилась обаятельная, глубоко-проницательная, даже за предѣлами специальности, личность Василя Васильевича.

Послѣ трехъ упомянутыхъ рѣчей студенческій хоръ мощно и прочувствованно процѣлъ тропарь: Покой, Спасе нашъ... Вслѣдъ затѣмъ ученый другъ и почитатель Василя Васильевича, профессоръ здѣшняго университета Б. А. Тураевъ, обратился къ собранію съ рѣчью о значеніи научныхъ трудовъ Василя Васильевича Болотова для ориентологіи вообще и въ особенности для исторіи христіанскаго, какъ православнаго, такъ и неправославнаго востока, столь мало извѣстнаго даже въ тѣхъ нашихъ сферахъ, которымъ слѣдовало бы бдительно стоять на стражѣ погибающихъ тутъ остатковъ православія. Ораторъ яркими красками обрисовалъ побѣдные шаги въ наши дни на ближнемъ востокѣ ино-

славія, въ особенности папскаго католичества, буквально наводнившаго востокъ іезуитами. Онъ признавалъ истиннымъ счастьемъ для нашей православной церкви то обстоятельство, что въ ея распоряженіи для должнаго направленія ея дѣятельности на Востокъ и предъуказанія грядущихъ путей этой ея дѣятельности находилась недавно, въ лицѣ покойнаго В. В. Болотова, такая громадная ученая сила, наряду съ необычайными научными дарованіями вооруженная всѣмъ могуществомъ спеціальной ученой эрудиціи. Но онъ глубоко скорбѣлъ о томъ, что самое появленіе этой силы было какъ бы случайнымъ явленіемъ, не только безъ подготовки въ прошедшемъ Академіи, но и безъ продолженія въ послѣдующемъ. Для болѣе яркой иллюстраціи общаго научнаго значенія В. В. Болотова самого въ себѣ, Б. А. Тураевъ подѣлился съ слушателями своими свѣдѣніями о томъ, какъ смотрѣли и смотрять на него за границами Россіи представители тѣхъ спеціальныхъ научныхъ дисциплинъ, къ области которыхъ ближайшимъ образомъ относится его научное творчество. Ораторъ закончилъ свою рѣчь призывомъ помнить, и не только помнить, но и стараться осуществить въ жизни священные заветы великаго ученаго.

Подъ впечатлѣніемъ, навѣянныхъ рѣчью дорогого гостя Академіи, одновременно и радостно-свѣтлыхъ для памяти въ Востокъ почивающаго Василія Васильевича, и грустно-обидныхъ для переживаемаго момента нашей церковной дѣйствительности, чувствъ и настроеній закончилось торжественное собраніе... Студенческой хоръ пропѣлъ: Вѣчная память.

П. Жуковичъ.

Рѣчь на могилѣ † проф. В. В. Болотова по случаю 10-лѣтней годовщины со дня его смерти, студ. III к. Аванасія Акимова.

Мы совершаемъ нынѣ духовныя поминки, посвященныя незабвенной памяти В. В. Болотова, имя котораго неизгладимыми чертами написано на скрижаляхъ не только русской академической, но и европейской науки. Насъ объединяють въ настоящее время у этой могилы грустныя воспоминанія о человѣкѣ, который подъ покровомъ личной скромности таилъ въ себѣ неизсякаемый родникъ богословско-научныхъ озареній...

За сто лѣтъ существованія родной Академіи властная и неумолимая рука смерти много унесла съ профессорской нивы, отъ плуга научнаго творчества славныхъ жизней, много угасила свѣточей знанія, ярко сіявшихъ на нашемъ академическомъ „свѣщникѣ“,—угасила и уложила здѣсь, въ этомъ скромномъ уголкѣ тихаго кладбища. Но среди этихъ усопшихъ тружениковъ академической науки имя Болотова занимаетъ исключительное по значенію мѣсто. Къ его могилѣ по преимуществу должны быть отнесены слова Достоевскаго: „Дорогіе тутъ лежатъ покойники, каждый камень надъ ними гласить о такой горячей минувшей жизни, о такой страстной вѣрѣ въ свой подвигъ, въ свою истину, въ свою борьбу и въ свою науку, что я—знаю заранѣе—паду на землю и буду цѣловать эти камни и плакать надъ ними... И не отъ отчаянія я буду плакать, а лишь просто потому, что буду счастливъ слезами моими. Собственнымъ умиленіемъ упьюсь“... И, дѣйствительно, Болотовская могила краснорѣчивѣй другихъ говоритъ о страстной вѣрѣ въ ученый подвигъ, въ неизбывную силу истины, въ непреходящую мощь науки. Какъ никто, узникъ этой могилы въ высочайшей мѣрѣ соединилъ

въ своей исключительной по дарованіямъ личности героизмъ неизмѣримо глубокой мысли съ кристалльной чистотой ученой совѣсти, съ готовностью безконечнаго самопожертвованія ради Истины,—Той Истины, Которая Сама о Себѣ заявила во всеуслышаніе: „Азъ есмь путь, истина и животъ“. Истинный, по словамъ В. Соловьева, атлетъ науки, великій подвижникъ мысли-яркій представитель ученой Фиваиды, человекъ высокаго строя души и почти неограниченныхъ возможностей въ сферѣ истинно-научныхъ постиженій—Василій Васильевичъ былъ въ полномъ и совершенномъ смыслѣ слова духовный самодержецъ Академіи послѣдней четверти XIX в. Въ скиніи академической науки онъ былъ какъ бы первосвященникомъ, носившимъ на персяхъ своего духа „уримъ и тумимъ“ научныхъ откровеній. Будучи своего рода Монбланомъ академическихъ Альпъ, В. В. гармонично сочеталъ головокружительныя высоты мысли съ широкими твердокаменными основами нравственнаго міровоззрѣнія. Съ его именемъ въ сознаніи невольно ассоціируется представленіе о цѣльной, чуждой внутренняго расщепленія индивидуальности, воплотившей въ своей жизни и дѣятельности девизъ Горация: „*Quum tu... nil parvi sapias et adhuc sublimia cures*“ (t. II, lib. I. epist. XII, 14—15).

Словомъ, имя В. В. Болотова это—драгоценная историческая реликвія русской богословской науки конца XIX в.

Но значеніе В. В. не ограничивается сферой нашей отечественной академической науки: имя его и на Западѣ стяжало себѣ почтенную извѣстность. Стоя на высотѣ западной науки, В. В. могъ помѣряться съ любымъ изъ европейскихъ ученыхъ, какъ универсализмомъ своего кругозора, такъ и обширнѣйшими средствами своего ученаго аппарата. Какъ ученый перваго ранга, В. В. въ области разработки научныхъ проблемъ не шель „по звѣздамъ“ европейской науки, не признавалъ обя-

зательности ея *imperii auctoritatis*, но самъ ставилъ ей новыя вѣхи, намѣчалъ дотолѣ ей неизвѣстные пути.

Послѣ такихъ заслугъ предъ обще-человѣческой наукой В. В. по праву и требованіямъ справедливости долженъ быть причисленъ къ тѣмъ немногимъ избранныкамъ, о которыхъ сказано въ минуту поэтического вдохновенія:

„Они здѣсь жили не безплодно,
И свѣточъ, что зажгли ихъ честные умы,
Насъ ободрялъ среди глубокой тьмы,
Сіяя намъ звѣздою путеводной“.

(Плещеевъ).

Что же скажу я о тѣхъ чувствахъ и настроеніяхъ, какія характеризуютъ отношеніе современнаго академическаго студенчества къ памяти усопшаго В. В.? Какіе аккорды несутся навстрѣчу дорогому имени съ тонкихъ струнъ студенческихъ сердець? Мы не знали В. В. лично, но между нимъ и нами съ первыхъ же нашихъ шаговъ въ Академіи родилась и существуетъ какая-то таинственная связь, и выражается она въ чувствѣ благоговѣйнаго преклоненія предъ его именемъ, предъ его личными качествами, о которыхъ „предаша намъ иже исперва самовидцы“. Нѣтъ студента, который бы не зналъ по непосредственному опыту благороднаго движенія этого—я бы сказалъ: традиціоннаго—чувства. Въ студенческой средѣ имя В. В.—ча уже съ давнихъ поръ окружается поэтическимъ вѣнкомъ легендарныхъ сказаній; пораженное молодое воображеніе еще при жизни В. В.—ча начало сплетать эти гирлянды красивыхъ вымысловъ и украшать ими славнаго профессора,—красу и гордость Академіи.

Я уже не говорю о томъ, что лекція В. В. и до сихъ поръ остаются для студентовъ Академіи—да и для студентовъ ли только? — работающихъ по исторіи первоначальнаго христіанства, высшей инстанціей въ рѣшеніи недоумѣнныхъ и сложныхъ вопросовъ церков-

но-исторического свойства. Здѣсь—въ этой богатой сокровищницѣ знанія—каждый изъ обращающихся къ ней (особенно — если дѣло касается проблемъ церковной ориентологии и византологіи) полнымъ ковшемъ черпаетъ нужныя свѣдѣнія, получаетъ довлѣющій отвѣтъ на запросы научнаго сознанія. И чѣмъ чаще обращаешься, тѣмъ больше убѣждаешься въ томъ, что лишь о такихъ созданіяхъ человѣческой мысли сказано:

„scripta manent in secula seculorum“.

И вотъ ужъ 10 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ закрылась эта лучшая страница въ исторіи нашей Академіи, какъ закатилось за горизонтъ земнаго бытія это лучезарное свѣтило церковно-исторической науки, озарившее Академію лучами научнаго творчества. За эти десять лѣтъ мы еще глубже и острѣе сознали, какую колоссальную научную силу мы потеряли въ лицѣ В. В.—ча. И подобно академической семьѣ 1900 года, стоимъ мы теперь у бездѣнной могилы, объятые чувствомъ тоски и печали. Что же? Будемъ ли только скорбно вздыхать въ безысходной тоскѣ у подножія этой гробницы? Нѣтъ.

„Пусть жертвенникъ разбитъ—огонь еще пылаетъ.

Пусть роза сорвана—она еще цвѣтетъ,

Пусть арфа сломана—аккордъ еще рыдаетъ“.

(Надсонъ).

И, дѣйствительно, „огонь“ церковно-историческихъ завѣтовъ В. В. Болотова, поддерживаемый опытной рукою, ярко „еще пылаетъ“ на жертвенникѣ академической науки, и озаряетъ онъ лучами славы столѣтнюю „мать-кормилицу“—Академію, воспитавшую въ своихъ нѣдрахъ такого великаго сына. Поэтому здѣсь, у гробницы послѣдняго, мѣсто не только проявленію печали и уныло-безнадежнымъ воздыханіямъ, но и выраженію глубокаго, все захватывающаго умиленія предъ величіемъ человѣческаго подвига, предъ блескомъ чело-

ческой мысли, которая воистину „создаетъ величіе чело-
вѣка“ (Паскаль), отражая въ своихъ изумрудныхъ
переливахъ

„ὡς ἱερὸν ἀγίας δόξης“.

Безмолвная, безцѣнная могила! Глубокимъ чувствомъ
заставляешь ты дрожать наши признательныя сердца,—
чувствомъ преклоненія и восхищенія предъ твоимъ до-
рогимъ для насъ узникомъ!

Невольно хочется, по словамъ Достоевскаго, цѣло-
вать эту землю, приникнуть въ порывѣ благодарности
къ подножію могильнаго гранита и, упиваясь умиле-
ніемъ, шептать въ неизбывной молитвенности: упокой,
Господи, здѣ лежащаго раба Своего, безкорыстнаго иска-
теля бисера христіанской научности, и сотвори ему въ
роды родовъ вѣчную память!

**Рѣчь Высокопреосвященнаго Николая, архіепископа
Варшавскаго, сказанная въ Александрo-Невской
Лаврѣ, надъ могилой профессора В. В. Болотова.**

Сейчасъ мы помянули В. В. Болотова, вашего на-
ставника, молитвою и добрымъ словомъ. Вашъ товарищъ
(Акимовъ) сказалъ прекрасную рѣчь о почившемъ, оха-
рактеризовавъ его какъ ученаго и учителя, предъ авто-
ритетомъ котораго преклонялись современные ему уче-
ники, преклоняются настоящіе насельники Академіи и
будутъ еще преклоняться многія и многія поколѣнія
ученыхъ и учащихся. Будутъ приходить къ этой мо-
гилѣ, говорилъ онъ,—умиляться здѣсь и мысленно воз-
носить ему вѣчную память...

Все это такъ, все это прекрасно, все это благородно...
Но вы забыли еще одну сторону въ поминкахъ настав-
никовъ: поминая ихъ добрымъ словомъ и молитвою, на-

добно еще подражать ихъ вѣрѣ и благочестію, ихъ жизненному подвигу, ихъ трудамъ на пользу науки вообще и особенно—науки, ведущей къ Боговѣдѣнію... Я лично не зналъ В. В. Болотова, но слышалъ о немъ очень и очень многое, и далеко отъ незаурядныхъ оцѣнщиковъ его личности и его трудовъ. Покойный К. П. Побѣдоносцевъ какъ-то разъ съ удивленіемъ мнѣ говорилъ: „этотъ Болотовъ—положительно подвижникъ въ наукѣ... Живетъ въ затворѣ, никуда не ходитъ, нигдѣ не бываетъ. Говорятъ, даже и газетъ не читаетъ: весь всегда погруженъ въ науку, обложенъ фоліантами, рукописями, знаетъ только Академію, церковь и свою квартиру“... Известный генераль—богословъ А. А. Кирѣевъ, недавно бесѣдуя со мной о старокатоликахъ и ихъ ученіи, замѣтилъ: „В. В. Болотовъ сказалъ о *filioque* и другихъ богословскихъ вопросахъ послѣднее слово. Онъ для меня въ этомъ предметѣ единственный ученый авторитетъ“. Въ Западной Европѣ его знали и знаютъ—многіе ученые.

Но кромѣ учености, В. В. Болотовъ былъ извѣстенъ и какъ христіанинъ въ самомъ лучшемъ смыслѣ этого слова; онъ воплощалъ въ себѣ одну изъ высшихъ добродѣтелей христіанскихъ—смиреніе. Митрополитъ Антоній на столѣтнемъ юбилеѣ Петербургской Академіи назвалъ его прямо и не обинуясь святымъ человекомъ.

Петербургская Академія всегда была не скудна учеными силами; всегда въ средѣ ея профессоровъ бывали свѣтила, предъ которыми преклонялись не только ученые русскіе, но и ученые авторитеты Западной Европы. Есть и теперь въ средѣ профессоровъ блестящія въ наукѣ имена, которыми можетъ хвалиться Академія, ничто же сумняся; но вѣдь все это настоящее и прошедшее Академіи: каково же должно быть ея будущее?.. Сойдутъ эти силы со сцены жизни и науки, какъ вотъ сошелъ В. В. Болотовъ и другіе здѣсь ле-

жашіе подвижники науки: какія же силы вы выставите изъ своей среды?.. Современная жизнь выдвинула много новыхъ запросовъ и вопросовъ,—мысль современнаго интеллигента, оторвавшася отъ Церкви и Христа, мятется, ищетъ опоры и, не находя смысла въ жизни внѣ Церкви и Евангелія, впадаетъ въ отчаяніе... Обращаются нѣкоторые за помощью къ людямъ богословской науки и, не находя у нихъ надлежащей поддержки, уходятъ еще дальше отъ Церкви съ проклятіями и хулами на саму Церковь... Недавно одна высокообразованная особа обращалась ко мнѣ съ горькой жалобой: „въ Бога, говоритъ она, вѣрую, но въ догматахъ вѣры сомнѣваюсь; помогите моему невѣрію“. Я мысленно перебиралъ чтѣбы рекомендовать для прочтенія въ этой области и со скорбію долженъ былъ сознаться, что ничего подходящаго не обрѣлъ въ своей памяти.—Возьмите же на себя подвигъ В. В. Болотова; идите навстрѣчу запросамъ нашего времени; дайте пищу алчущимъ; откройте запасы богословскаго вѣдѣнія людямъ, ищущимъ свѣта Христова, блуждающимъ во тьмѣ... Тако да просвѣтитъ свѣтъ вашъ предъ челоуѣки, яко да видятъ ваша добрая дѣла и прославятъ Отца вашего, иже на небесѣхъ (Мѳ. 5, 16). Въ этомъ и будетъ ваша дань любви вашему безпримѣрному и незабвенному наставнику, который, по вашимъ же словамъ, никого изъ вопрошавшихъ его объ упованіи его никогда не отпускалъ безъ удовлетворенія.

Закончу свое слово словами апостола Павла: поминайте наставники ваша, иже глаголаша вамъ слово Божіе: ихже взирающе на скончаніе жителства, подражайте вѣрѣ ихъ (Евр. 13, 7).—Аминь.

II.

Открытие бюста † профессора Василя Васильевича Болотова въ нашей Академіи.

Уже давно имя незабвеннаго В. В. Болотова окружено въ устахъ его учениковъ и почитателей причудливой легендой, въ стилѣ сказаній объ ученыхъ западныхъ подвижникахъ XVII вѣка. Уже давно его строгій ученый обликъ и заманчивый ореолъ академическаго властителя думъ служить благороднымъ двигателемъ въ жизни младшаго поколѣнія духовной школы. Столѣтняя исторія нашей Академіи знаетъ длинный рядъ даровитыхъ, самоотверженныхъ и славныхъ тружениковъ академической науки, но только на одного В. В. Болотова мысль позднѣйшихъ академическихъ поколѣній сложила всѣ лучшія упованія, только его признала олицетвореніемъ и лучшимъ цвѣткомъ академической науки, утѣхой всего Израиля!..

Чѣмъ объяснить такое обаяніе этого имени? Строгій научный методъ, увлекательное движеніе научныхъ построеній, прозрачная убѣдительность и важность научныхъ выводовъ, изящная сила его рѣчи — при всей своей очаровательности и значеніи для академическихъ поколѣній — не были бы достаточны для того преклоненія, какое состоялось предъ именемъ

В. В. Болотова. Академическая мысль требовательна и взыскательна къ своимъ истиннымъ руководителямъ. Нужно было, чтобы всѣ эти неоспоримыя достоинства оперлись на глубокую нравственную атмосферу, чуждую житейскихъ пристрастій, на безраздѣльную преданность научной правдѣ. Все это нашлось въ личности В. В. Болотова въ самомъ гармоническомъ сочетаніи. И признательная память современниковъ отмѣтила его въ свое время исключительнымъ уваженіемъ и преклоненіемъ, свойственнымъ особымъ избранникамъ Божиимъ. Нынѣ эта благодарная память нашла себѣ выраженіе въ вещественномъ закрѣпленіи его образа въ стѣнахъ родной ему Академіи, въ видѣ мраморнаго изваянія, въ поученіе грядущимъ поколѣніямъ.

Сооруженіе бюста академическими почитателями памяти Василя Васильевича было рѣшено приурочить къ 10-лѣтней годовщинѣ со дня его смерти (1900—1910), но, по случайнымъ обстоятельствамъ, оно задержалось, и эта годовщина ограничилась въ свое время только теплымъ академическимъ чествованіемъ его имени въ особомъ торжественномъ засѣданіи, съ воспроизведеніемъ его ученаго и нравственнаго облика въ рѣчахъ профессоровъ И. С. Пальмова, И. Е. Евсѣева, А. И. Бриллиантова и Б. А. Тураева. Торжественное засѣданіе Академіи и открытіе бюста В. В. Болотова 29-го сего января были какъ бы естественнымъ продолженіемъ и завершеніемъ того знаменательнаго чествованія.

Рѣдкое въ исторіи Академіи, торжественное событіе 29 января началось въ академическомъ храмѣ божественной литургіей и панихидой, совершенныхъ ректоромъ Академіи, епископомъ Георгіемъ, въ сослуженіи академическаго духовенства. Задушевное поминовеніе за литургіей и на панихидѣ „приснопамятнаго раба Божія Василя“, чуткая, торжественно-умилительная настроенность академическаго хора студентовъ, профессоровъ и другихъ почитателей памяти незабвеннаго В. В-ча—все

это создавало въ академической церкви атмосферу какого-то особаго благоговѣнія и проникновенности предъ чѣмъ-то рѣдкимъ, великимъ. Общее настроеніе походило на тотъ особый подъемъ духа молящихся, какой испытывали очевидцы погребенія В. В—ча въ великую субботу, въ 1900 г., только безъ остро жгучей горести, какую естественно вызывалъ тогда гробъ усопшаго дорогого человѣка. Молитва приблизила нравственный обликъ В. В—ча къ сознанию молящихся. Послѣдующія рѣчи академическихъ ораторовъ оживили и одухотворили этотъ обликъ.

Предъ панихидой произнесъ рѣчь проф.-прот. П. И. Лепорскій, одинъ изъ близкихъ учениковъ покойнаго В. В—ча. Въ теплыхъ, задушевныхъ личныхъ припоминаніяхъ о своихъ отношеніяхъ къ почившему учителю, о. протоіерей ярко выяснилъ особый, необычный характеръ отношеній ученика къ академическому учителю—глубокое сердечное благоговѣніе къ гиганту мысли, къ обладателю широчайшаго научнаго горизонта, освѣженіе и подъемъ силъ начинающаго ученаго отъ общенія съ истиннымъ носителемъ академической науки и готовность къ исканію научной правды до самопожертвованія.

Послѣ панихиды, въ актовомъ залѣ, передъ закрытымъ пеленою бюстомъ В. В—ча, преосвященнымъ ректоромъ Академіи, епископомъ Георгіемъ со всѣмъ соборомъ сослужащихъ, была отслужена литія, и бюстъ былъ открытъ скульпторомъ М. А. Чижевымъ. В. В—чъ предсталъ на мраморѣ въ характерныхъ для него очертаніяхъ головы и широкихъ плечъ, окруженный зеленью, предъ взорами академическихъ студентовъ и множества благоговѣйныхъ почитателей его, преимущественно изъ бывшихъ его академическихъ слушателей. Преосвященный ректоръ окропилъ бюстъ св. водой и въ облаченіи, въ присутствіи сонма сослужащихъ, произнесъ затѣмъ содержательную и одушевленную

ную рѣчь о великихъ ученыхъ заслугахъ В. В—ча предъ академической наукой и о его истинно-христіанской настроенности, что все вмѣстѣ создало изъ него красу и гордость нашей академіи — постоянный поучительный образецъ и завѣтъ для будущихъ академическихъ поколѣній.

Вслѣдъ затѣмъ, предсѣдатель общества взаимопомощи бывшихъ питомцевъ академіи, профессоръ Академіи П. Н. Жуковичъ въ сжатой и глубоко прочувственной рѣчи выразилъ чувства бывшихъ питомцевъ Академіи къ свѣтлой памяти В. В—ча, какъ высоко талантливаго профессора и самоотверженнаго подвижника науки, начинателя самобытной русской богословской науки, важной не только для насъ русскихъ, но и для всѣхъ. „Этотъ подвигъ жизни и этотъ идеаль науки не пройдутъ безслѣдно для будущей жизни Академіи. Мы—бывшіе питомцы Академіи—вѣримъ, хотимъ вѣрить въ это. Даже внезапный и порывистый вихрь преобразованій послѣднихъ лѣтъ не унесъ съ собою всей нашей вѣры“... Общество бывшихъ питомцевъ Академіи съ трогательнымъ вниманіемъ почтило память своего знаменитаго профессора изящнымъ вѣнкомъ изъ живыхъ цвѣтовъ, который былъ положенъ къ подножію бюста.

Профессоръ-протоіерей М. И. Орловъ, въ свое время близко стоявшій къ В. В—чу, въ своей рѣчи предложилъ обстоятельную оцѣнку ученаго подвига своего учителя, въ теченіе всей своей жизни алкавшаго и жаждавшаго правды. „Пусть это изображеніе на всѣ времена, пока незыблема наша Академія, поучаетъ нашихъ преемниковъ о высокихъ идеалахъ знаменитой старой Академіи, постоянно напоминая объ ея славномъ профессорѣ, Василинъ Васильевичѣ Болотовѣ, столь доблестно послужившемъ этимъ идеаламъ!“ Такъ съ глубокою проникновенностью закончилъ свою рѣчь почтенный ораторъ.

Послѣ небольшого перерыва, вызваннаго разоблаченіемъ священнослужащихъ въ храмѣ, преосвященный ректоръ открылъ тамъ же, въ актовомъ залѣ, торжественное засѣданіе Академіи, на которомъ преемникъ покойнаго В. В-ча по кафедрѣ церковной исторіи въ Академіи, профессоръ А. И. Бриллиантовъ, много сдѣлавшій для проясненія научнаго наслѣдія В. В-ча, предложилъ характеристику ученыхъ заслугъ почившаго профессора. — Академическій залъ нынѣ украшается вторымъ бюстомъ, говорилъ проф. Бриллиантовъ, дорогихъ для Академіи лицъ. Первый бюстъ принадлежитъ знаменитому профессору В. Н. Карпову, какъ начинателю въ нашей Академіи философскаго знанія, теперь Академія увѣковѣчиваетъ память лучшаго своего представителя въ области исторіи. Значеніе В. В-ча въ этой спеціальности несомнѣнно и общепризнанно. Въ главномъ оно заключается въ томъ, что В. В-чъ не только сталъ въ своей ученой дѣятельности на одинъ уровень съ западно-европейскою наукою, но показалъ путь и къ самостоятельной равноцѣнной русской разработкѣ этой науки...

Такъ закончилось рѣдкое въ лѣтописяхъ Академіи ученое торжество. И хочется думать, что надлежащему развитію духовно академической науки, при такихъ славныхъ начинателяхъ, какъ увѣковѣченный нынѣ въ стѣнахъ Академіи, на память грядущимъ поколѣніямъ, приснопамятный профессоръ В. В. Болотовъ, не смотря ни на какія препятствія, предстоитъ счастливая будущность!

И. Е.

Рѣчь, сказанная предъ панихидою по профессорѣ В. В. Болотовѣ.

По случаю открытія и освященія его бюста въ Духовной Академіи 29 января 1912 г.

О приснопамятномъ профессорѣ Васиіи Васильевичѣ Болотовѣ такъ многіе и такъ много уже говорили, что я не смѣю надѣяться своей новой рѣчью въ настоящій день торжественнаго чествованія его памяти прибавить что-нибудь новое къ тѣмъ прекраснымъ его изображеніямъ, которыя сдѣланы были болѣе искуснымъ словомъ. Посему да позволено будетъ мнѣ сказать нѣсколько словъ просто лишь съ точки зрѣнія личнаго отношенія,—сказать о томъ личномъ чувствѣ, которое возбуждалъ Болотовъ въ своемъ почитателѣ.

Какимъ именемъ назвать это чувство?

Если у насъ вошло уже въ обычай злоупотреблять словомъ обожаніе, то пусть позволено будетъ мнѣ въ настоящемъ случаѣ злоупотребить менѣе значущимъ словомъ благоговѣніе.

Да, именно родъ благоговѣнія чувствовался предъ Болотовымъ.

Это не было только чувство глубочайшаго почтенія къ высокому научному авторитету. Это не было только чувство преклоненія предъ великимъ талантомъ, отъ Бога даннымъ и приумноженнымъ въ десять кратъ собственнымъ искуснымъ раченіемъ. Это не было только чувство восторга и восхищенія предъ человѣкомъ, которому даны вѣщія зѣницы, чтобы находить потерянные ключи къ научнымъ загадкамъ, чтобы видѣть недоступныя другимъ дали горизонта, чтобы находить невѣдомыя тропинки, ведущія къ глубокимъ концепціямъ. Это не было только чувство изумленія предъ обладателемъ тайны проникать своего рода рентгеновскимъ лучемъ

туда, гдѣ умѣли примѣнять только обычный фотографическій аппаратъ. Конечно, и этого было слишкомъ достаточно, чтобы создать Болотову восторженныхъ почитателей. Но все это могущество генія Болотова было только первымъ факторомъ, дѣйствовавшимъ на его почитателя. Вторымъ, и болѣе могучимъ, была вся цѣльная его личность.

Вспомните это блѣдное, безъ кровинки, изможденное, преждевременно состарившееся, лицо. И когда видишь, бывало, какъ подъ наплывомъ накопленныхъ богатствъ мысли, стремившейся вылиться въ дивной художественной рѣчи, это блѣдное лицо озарялось внутреннимъ блескомъ глазъ, начинало играть какъ будто улыбкой увлекающейся юности, и все становилось духомъ и жизнью, тогда дѣлалось какъ-то сразу понятнымъ, что такое для Болотова наука, и почему на этомъ лицѣ не осталось кровинки. И безъ словъ дѣлалось ясно, какую дорогою цѣною, даже при всемъ могуществѣ генія, куплено это необъятное научное богатство. Свѣтъ солнца и покой ночи, свѣжій воздухъ и отдыхъ, невинныя развлечения и заботы о здоровьи, о питаніи—все позабыто, все принесено въ жертву ради одной драгоценной жемчужины, которую обрѣлъ онъ въ наукѣ. И при взглядѣ на это безкровное лицо, невольно вспоминался тотъ лучший образъ, какой только хранить исторія христіанства,—образъ мученика; и само собою напрашивалось сравненіе. Поистинѣ, какъ мученикъ, но только медленно, долгими годами, капля за каплей, онъ лилъ свою кровь ради своего призванія, и какъ мученикъ, совершалъ свой подвигъ съ радостью.

И вотъ, сопоставляя этотъ героическій идеализмъ служенія своему жизненному призванію съ той слабостью его, какую замѣчалъ въ себѣ самомъ, какъ-то невольно дѣлалъ Болотовъ своимъ судьей и совѣстью...

И изъ кельи Болотова, напитанной духомъ ученаго аскетизма, всегда выходилъ, бывало, съ какимъ-то осо-

беннымъ подъемомъ духа; отсюда уносили съ собой искру горѣвшаго тутъ яркимъ пламенемъ идеализма, заражался духомъ подвижничества, которое одно только позволяетъ не видѣть и позабывать всѣ неудобства и лишеныя пути, среди которыхъ обычно идетъ слугитель богословской науки.

Умеръ Болотовъ. И какая-то холодная пустота пала на душу. Смерть Болотова переживалась какъ общее горе всей Академіи. Въ самомъ зданіи Академіи какъ будто чувствовалась тогда пустота, какъ чувствуется она обычно въ домѣ, по возвращеніи съ кладбища, послѣ похоронъ самаго дорогого члена семьи. Съ Болотовымъ Академія теряла свою живую красоту, гордость, славу. Но тѣхъ, кого связывали съ Болотовымъ болѣе интимныя узы сердечной преданности и почтенія, тѣхъ, кто признавалъ въ немъ не только великую научную силу, но кто относился къ нему съ чувствомъ именно особаго благоговѣнія,—тѣхъ давило другое сознаніе, сознаніе болѣе тяжкое. Они лишались съ Болотовымъ своего духовнаго вождя, теряли источникъ лучшихъ вдохновеній и тѣхъ глубокихъ вліяній, которыя они воспринимали отъ него то съ яснымъ сознаніемъ, то какими то незримыми путями.

Но что на свѣтѣ крѣпче узъ любви?... И память о Болотовѣ неувыдаемо живетъ въ тѣхъ, кто его любилъ и почиталъ. вмѣсто живого Болотова, его образъ продолжаетъ говорить въ ихъ сердцахъ. Время, все изглаждающее, оказалось не въ силахъ стереть яркія черты этого образа, и онъ, со всѣмъ своимъ духовнымъ богатствомъ, рисуется имъ въ очертаніи такой живой реальности, какъ будто они разстались съ нимъ не десять слишкомъ лѣтъ тому назадъ, а видѣли его только вчерашній день.

Да будетъ вѣчно живъ этотъ образъ и въ грядущихъ вѣкахъ исторіи Академіи. И нынѣ, когда стараніями друзей Болотова холодный мраморъ напомнитъ всѣмъ

намъ прекрасный внѣшній обликъ, помолимся и о томъ, чтобы въ Академіи вѣчно виталъ и духъ Болотова — животворящій духъ самоотреченнаго служенія духовной наукѣ.

Проф.-прот. П. Лепорскій.

Краткая рѣчь при открытіи и освященіи бюста † В. В. Болотова.

Сегодня мы вознесли свои молитвы объ упокоеніи души усопшаго приснопамятнаго профессора нашей Академіи Басилія Васильевича Болотова. вмѣстѣ съ тѣмъ для увѣковѣченія памяти покойнаго сооруженный по опредѣленію Совѣта Академіи бюстъ его нынѣ открытъ и освященъ. Этотъ внѣшній знакъ будетъ говорить не только намъ, но и послѣдующимъ академическимъ поколѣніямъ о знаменитомъ профессорѣ нашей Академіи. Каждый вновь поступившій въ Академію студентъ, не слышавшій о Болотовѣ или имѣющій о немъ смутное представленіе, остановившись предъ этимъ бюстомъ, спроситъ: кто это? И услышитъ въ отвѣтъ, что это — славный профессоръ Академіи, гордость ея и украшеніе, вписавшій своими трудами славныя страницы въ исторію Академіи. И затрепещетъ сердце молодого студента и переживетъ онъ добрыя минуты радости и гордости за свою Академію.....

Я не буду говорить о научныхъ заслугахъ почившаго. Объ этомъ говорили уже и скажутъ еще другіе. Мнѣ хочется только высказать радость, что въ нашей Академіи былъ этотъ славный профессоръ, который не только стоялъ на уровнѣ западно-европейской науки, но и шелъ впереди ея, — профессоръ, предъ которымъ были раскрыты книжныя сокровища на многихъ языкахъ — западно-европейскихъ и восточныхъ, не только

живыхъ, но и мертвыхъ,—профессоръ, который одинаково былъ свѣдущъ въ богословіи, какъ и въ астрономіи и математикѣ, профессоръ, кончина котораго была съ соболѣзнованіемъ отмѣчена даже съ высоты царскаго трона. Онъ отъ юности возлюбилъ науку и былъ любителемъ ея до смерти. Онъ отдалъ ей свое сердце и душу. Онъ могъ сказать о своемъ стремленіи къ научной мудрости словами премудраго: „Я полюбилъ ее и взыскалъ ее отъ юности моею, и пожелалъ взять ее въ невѣсту себѣ и сталъ любителемъ красоты ея“ (Прем. 8, 2). Но эта любовь къ научной мудрости не угасила въ немъ теплаго религіознаго чувства и воодушевленія, ибо истинная мудрость именно такова: „она возвышаетъ свое благородство тѣмъ, что имѣетъ сожитіе съ Богомъ... (Прем. 8, 3); „она есть отблескъ вѣчнаго свѣта; она есть дыханіе силы Божіей и чистое изліяніе славы Вседержителя“ (Прем. 7, 25—26). Вся жизнь В. В. Болотова, а равно и кончина его ясно свидѣтельствуемъ о томъ, что онъ гармонично соединилъ во-едино научную мудрость и теплое религіозное христіанское чувство.

Для Петербургской Духовной Академіи В. В. Болотовъ не умеръ. Онъ живъ въ ея воспоминаніяхъ, въ своихъ трудахъ. Особенно онъ живъ теперь, когда такъ свѣжа еще память о немъ. Къ нему приложимы вполнѣ слова поэта: „не говорите мнѣ: онъ умеръ, онъ живетъ. Пусть жертвенникъ разбитъ, огонь еще пылаетъ. Пусть роза сорвана,—она еще цвѣтетъ. Пусть арфа сломана, аккордъ еще рыдаетъ“... Но не только теперь онъ еще живъ, въ виду недалекаго промежутка отъ кончины его, онъ будетъ живъ и впредь. Пройдутъ многія десятилѣтія, и все же, думаемъ, память о Болотовѣ будетъ бережно и любовно храниться въ Академіи, какъ о профессорѣ, которымъ бы гордилась всякая ученая корпорація, всякое ученое учрежденіе. Онъ будетъ жить не только въ трудахъ своихъ, но и въ живомъ академи-

ческомъ преданіи, органически соединяющемъ прошлое съ настоящимъ... Онъ будетъ жить, какъ свѣтлое воспоминаніе, въ памяти профессоровъ и студентовъ, {которые будутъ видѣть въ немъ идеаль безкорыстнаго самоотверженнаго труженика науки, отдавшаго ей всю жизнь свою!...

Да будетъ же вѣчная славная память почившему! Да зажигаетъ свѣтлый образъ его сердца профессоровъ и студентовъ горячей и безкорыстной любовью къ наукѣ,—къ премудрости, „которая имѣетъ сожитіе съ Богомъ“... Да не оскудѣваютъ подобными профессорами духовныя академіи, особенно да избыточествуетъ ими наша дорогая Академія!...

Епископъ Георгій.

Нѣсколько словъ.

Общество духовной и матеріальной взаимопомощи бывшихъ питомцевъ С.-Петербургской Духовной Академіи съ свѣтлымъ чувствомъ торжества приносятъ свой вѣнокъ къ подножію мраморнаго изваянія знаменитаго профессора родной Академіи. Пусть эти живые цвѣты—вѣковѣчный символъ любви—послужатъ новымъ выраженіемъ не одного нашего благоговѣйнаго уваженія къ изумительной учености Василя Васильевича Болотова, но и нашего не остывшаго восхищенія и его личностью, необычайною по счастливому сочетанію столькихъ талантовъ, и его жизнью—этимъ непрерывнымъ подвигомъ самоотреченія во имя науки. Счастлива Академія: подъ ея сѣнью совершился этотъ подвигъ служенія наукѣ даже до смерти, подъ ея сѣнью сталъ уже воплощаться идеаль самобытной Русской богословской науки, не идущей ни у кого на поводу, стремящейся создать нѣчто новое не для насъ только, но и для всѣхъ.

И этотъ подвигъ жизни, и этотъ идеаль науки не пройдутъ безслѣдно и для будущей жизни Академіи. Мы—бывшіе питомцы Академіи вѣримъ, хотимъ вѣрить въ это. Даже внезапный и порывистый вихрь преобразованій послѣднихъ лѣтъ не унесъ съ собою всей нашей вѣры... Пусть же высокій, плѣнительный научный идеаль Болотова всегда живетъ въ стѣнахъ родной Академіи! Пусть онъ всегда царитъ въ святыхъ мечтахъ смѣняющихся поколѣній ея питомцевъ!

Проф. П. Жуковичъ.

Заключительная рѣчь предъ бюстомъ почившаго профессора В. В. Болотова.

Ваше Преосвященство

и

Почтеннѣйшее Собраніе!

Предъ нами открылось сейчасъ изваянное изображение, сдѣланное искусствомъ художника; и мы узнаемъ въ немъ дорогія характерныя черты незабвеннаго профессора нашей Академіи, Василя Васильевича Болотова, перешедшаго отъ насъ—вотъ уже почти двѣнадцать лѣтъ—въ незримый горній міръ. И въ изображеніи тотъ же красивый, большой и широкій лобъ; тотъ же затылокъ, немного откинутый назадъ; тѣ же чуть-чуть приподнятыя уста, будто всегда готовыя къ быстрому и рѣшительному отвѣту.

Но изображеніе это, хотя бы оно было перломъ художественнаго творчества, все-таки не для тѣхъ, которые имѣли счастье лично видѣть и непосредственно слышать нѣкогда жившаго среди нихъ профессора. Въ ихъ сердцахъ навсегда сохранился неизгладимый образъ, воспроизвести который не можетъ никакое искусство и

никакой художникъ. Это изображеніе преимущественно для тѣхъ, которые никогда не видѣли, или не увидятъ профессора,—которые никогда не слышали, или не услышатъ его вдохновеннаго слова. Сколько ни смѣнится здѣсь въ будущемъ поколѣній учащихъ и учащихся,—для нихъ всѣхъ и для каждаго въ отдѣльности это изображеніе будетъ памятникомъ о славныхъ дняхъ академической науки.

Въ одинъ изъ своихъ предсмертныхъ дней, въ уединенной бесѣдѣ, профессоръ какъ-то вскользь сказалъ: *bene vixit, qui bene latuit*. Говоря по-русски, этимъ онъ хотѣлъ сказать: хорошо жилъ тотъ, кто хорошо былъ въ жизни скрытъ. Одному Богу извѣстно, сколько есть, или сколько можетъ быть на землѣ людей, которые неуклонно, въ теченіе всей своей жизни, путемъ упорнаго труда, стремятся къ достиженію какого-либо высокаго идеала,—и между тѣмъ ихъ труды и имена знаетъ только Господь. Такіе люди могутъ быть на всѣхъ поприщахъ дѣятельности во имя добра, истины, красоты. Ихъ жребій жизни не славенъ, потому что онъ никому на землѣ неизвѣстенъ; но онъ блаженъ, такъ какъ сердца такихъ тружениковъ преисполнены глубокаго спокойствія.

Но жребій жизни нашего незабвеннаго профессора не былъ такимъ. Это доказываетъ уже одно его изображеніе, сейчасъ открытое предъ нами, и привлекающее къ себѣ почтительные взоры всѣхъ окружающихъ. Слѣдовательно, тѣ слова профессора, въ приложеніи къ нему самому, нужно измѣнить такъ: *glorioso vixit, qui bene aperuit se*. Говоря по-русски, это значитъ: тотъ въ славѣ жилъ, кто хорошо былъ въ жизни открытъ. Тотъ жребій безконечно выше перваго, и его путемъ идутъ особенные избранники Божіи,—эти блестящіе свѣточы для современныхъ имъ людей и для послѣдующихъ родовъ. Они составляютъ изъ себя тотъ свѣтлый сонмъ славныхъ мужей, имена которыхъ служатъ впо-

слѣдствіи предметомъ благородной гордости. Одинъ изъ такихъ есть почившій профессоръ.

Профессоръ *bene aperuit se*. Онъ хорошо былъ въ жизни открытъ. Его жизненный путь, начиная годами школьнаго возраста и кончая профессорствомъ въ Академіи, былъ какъ бы торжественнымъ шествіемъ необыкновенной силы ума. Предъ этимъ шествіемъ молкли вокругъ всякія низменныя страсти, и онъ не тратилъ своихъ богатыхъ силъ на борьбу съ ними. Какъ былъ онъ первымъ въ своемъ дѣлѣ на школьной скамьѣ, такъ первымъ остался и на кафедрѣ профессора, гдѣ его высокой авторитетъ не былъ поколебленъ никогда никѣмъ.

Отсюда профессоръ *glorioso vixit*. Онъ жилъ славною жизнію. Призванный своимъ жизненнымъ жребіемъ къ профессорству, онъ приложилъ къ нему всѣ свои духовныя и тѣлесныя силы, и создалъ себѣ, еще при жизни, въ исторіи академической науки громкое, знаменитое имя. Къ его голосу прислушивались не только незрѣлые юноши, но даже мужи, проведшіе многіе годы въ наукѣ. Знанія его, приобрѣтенныя непрестаннымъ трудомъ, были такъ глубоки, широки и обильны, что онъ сыпалъ ими для всѣхъ желающихъ, какъ богачъ своими сокровищами, незнающій ни счета, ни мѣры имъ. Какъ-то однажды, въ уединенной бесѣдѣ, онъ сказалъ: „у меня матеріала для научной работы сколько угодно, но только времени нѣтъ“.

Но истинная слава заслуживается всѣми славными мужами высокимъ съ ихъ стороны самопожертвованіемъ. Современники и потомки обычно украшаютъ чело славныхъ мужей красивыми вѣнками, или вѣнками восторженныхъ похвалъ, но тѣ и другіе вѣнки всегда ложатся на кровавое чело. Воинъ—герой платитъ своею жизнію въ рядахъ враговъ, за свою беззавѣтную храбрость и любовь къ родинѣ. Стойкій и честный государственный дѣятель падаетъ отъ руки подкупленныхъ убійць, за чистоту и твердость своихъ убѣжденій. Такъ и почив-

шій профессоръ: за свою необыкновенную любовь къ наукѣ онъ также пожертвовалъ всею своею жизнію. И по-истинѣ замѣчательно: жизненный путь всѣхъ славныхъ мужей кратковременъ. Это—какъ бы блестящій лучъ свѣта, сіяющій нѣсколько моментовъ, и потомъ скрывающійся отъ насъ.

Господь нашъ Иисусъ Христосъ, ублажая всѣ славные нравственные пути жизни, объ одномъ изъ нихъ сказалъ: μακάριοι οἱ πεινῶντες καὶ διψῶντες τὴν δικαιοσύνην ὅτι αὐτοὶ χορτασθήσονται (Мѡ. 5, 6). Точная мысль этихъ словъ по-русски должна быть изложена такъ: блаженъ путь жизни алчущихъ и жаждущихъ правды, потому что вотъ такіе, именно, и будутъ насыщены ею. Этимъ евангельскимъ путемъ огошелъ отъ насъ и почившій профессоръ. Правда науки приобщается къ той правдѣ, алчба которой ублажается Господомъ. Мучительны страданія голоднаго, но, несомнѣнно, мучительнѣе должны быть внутреннія страданія человѣка, ищущаго правды науки. Для того, кто на самомъ дѣлѣ ищетъ этой правды, мучительно уже одно сомнѣніе относительно ея, не говоря о полужнаніи, которымъ такъ преисполнены обычные мнѣнія ученыхъ, или еще больше о незнаніи. Но ясно сознавать всю невозможность для человѣка познать правду науки въ самой основѣ ея—это, именно, можетъ быть невыразимымъ страданіемъ для такой высокой души. Если алчущіе, при всей нашей черствости сердца, не всегда умираютъ голодною смертію, находя милосердіе въ окружающихъ, то нельзя даже помыслить, что милосердый Господь не насытитъ правдою того, кто отдалъ за нее всю свою жизнь. Слѣдовательно, почившій профессоръ не только здѣсь, среди насъ, прославленъ, но мы вѣруемъ, что онъ и тамъ, въ горнемъ незримомъ мірѣ, насыщенъ правдою, которой съ алчбой голоднаго искалъ и къ которой съ муками жаждущаго стремился,—онъ искалъ и стремился въ теченіи всей своей

кратковременной жизни, но жизни самоотверженной, подвижнической и по-истинѣ славной.

Итакъ, пусть сейчасъ освященное изображеніе почившаго профессора, какъ драгоценная память, украшаетъ этотъ залъ, гдѣ такъ часто и неподражаемо раздавалось воодушевленное слово его! Пусть это изображеніе на всѣ времена, пока незыблема наша Академія, поучаетъ нашихъ преемниковъ о высокихъ идеалахъ знаменитой старой Академіи, постоянно напоминая объ ея славномъ профессорѣ, Василии Васильевичѣ Болотовѣ, столь доблестно послужившемъ этимъ идеаламъ!

ᾘρανογυραβεςμᾶκανδῆimatepanḍitāyasa!

Κλέος τῷ καθηγητῇ ἡμῶν σώφρονι καὶ πολυμαθεῖ!

Gloria professori nostro prudenti et perdocto!

Слава профессору нашему великаго ума и глубокаго знания!

ᾘραναῖ! Κλέος! Gloria! Слава!

Профессоръ протоіерей М. Орловъ.

Рѣчь въ торжественномъ засѣданіи С.-Петербургской Духовной Академіи по случаю открытія бюста † профессора Василия Васильевича Болотова.

Воздавая выдающимся почившимъ дѣятелямъ особую честь увѣковѣченіемъ ихъ видимаго образа, почитатели ихъ и то учрежденіе, въ которомъ проходила ихъ дѣятельность, хотятъ выразить этимъ признательность имъ за ихъ заслуги въ прошедшемъ и вмѣстѣ указать на особое значеніе памяти о нихъ для будущаго. Видимый образъ ихъ увѣковѣчивается какъ напоминаніе объ ихъ духовномъ образѣ. Шедшіе въ свое время, по общему признанію, впереди другихъ въ своей дѣятельности, воз-

вышавшіеся въ своемъ служеніи общему дѣлу надъ обычнымъ уровнемъ, они съ своими идеалами и стремленіями, съ нагляднымъ примѣромъ всей своей дѣятельности, естественно, болѣе или менѣе сохраняютъ руководящее значеніе и для послѣдующаго времени. Память о нихъ имѣетъ значеніе не только лишь воспоминанія о славномъ моментѣ въ прошедшей исторіи учрежденія, которому они посвятили свои силы, но и указанія на идеалы и задачи будущаго, поскольку они именно наиболѣе полно и совершенно въ свое время выразили и осуществили ихъ. Поэтому и признается она въ особенностяхи достойною увѣковѣченія.

Уже ранѣе почтена была въ Петербургской Академіи устройствомъ бюста память ея профессора В. Н. Карпова († 1867) *). Теперь къ образу академическаго философа въ этомъ залѣ присоединяется еще образъ историка. Духовная школа всегда давала въ своихъ стѣнахъ почетное мѣсто философіи, исходя изъ убѣжденія, что сверхъестественное Откровеніе, предметъ богословія, не только не устраняетъ самодѣятельности человѣческой мысли, но, напротивъ, требуетъ для его надлежащаго и глубокаго

*) О В. Н. Карповѣ ср. некрологъ и рѣчи при погребеніи въ „Христ. Чтеніи“, 1868, № 2. А. П. Высокоостровскій, „Характеръ философскихъ воззрѣній проф. В. Н. Карпова“, въ „Церк. Вѣстникъ“ 1892, № 49; „Покойный Карповъ, какъ почитатель Сократо-Платоновой философіи“, въ „Христ. Чтеніи“, 1893, I. „Памяти русскаго философа В. Н. Карпова“ (рѣчи по случаю столѣтія со дня рожденія: Т. В. Барсова, В. С. Серебренникова, А. П. Высокоостровскаго, Д. П. Миртова), въ „Христ. Чтеніи“, 1898, I. А. Никольскій, „Русская духовно-академическая философія, какъ предшественница славянофильства и университетской философіи въ Россіи“, въ журн. „Вѣра и Разумъ“, 1907, № 5. Ср. статью А. Попова о Карповѣ въ „Правосл. богосл. энциклопедіи“, т. IX. (Спб. 1908), 30—34. Бюстъ В. Н. Карпова, находящійся въ актовомъ залѣ Академіи, устроенъ былъ на собранія его почитателями, сослуживцами и бывшими слушателями средства и открытъ въ первую годовщину его смерти, 3 декабря 1868 г. „Христ. Чтеніе“, 1869, I, 159—162.

усвоенія высшаго ея напряженія. Академическая философія имѣла немаловажное значеніе и въ общемъ развитіи философской мысли въ Россіи. Въ лицѣ В. Н. Карпова Академія почтила виднаго дѣятеля на этомъ поприщѣ, философа, для котораго философствованіе было дѣломъ всей его жизни и выраженіемъ одушевлявшихъ его религиозно - нравственныхъ стремленій, который, требуя вообще связи философіи съ жизнію, выступалъ, между прочимъ, съ мыслию о необходимости самобытной русской философіи, не въ смыслѣ, конечно, игнорированія русскими мыслителями имѣющихся уже опытовъ чужого философствованія, но въ смыслѣ требованія отъ философа исполнѣ сознательнаго отношенія къ факту ближайшей связи всякаго мыслителя съ непосредственно окружающею его дѣйствительностью и въ смыслѣ необходимости соответствія философскихъ построеній русскихъ философовъ исторически опредѣлившимся и ясно сознаннымъ закономѣрнымъ стремленіямъ и особенностямъ русскаго духа. Находя самъ наибольшее удовлетвореніе для себя изъ философскихъ системъ древняго времени въ философіи Платона, онъ поставилъ задачею для себя сдѣлать ее болѣе извѣстною въ Россіи чрезъ переводъ твореній этого философа на русскій языкъ, и это дѣло было, можно сказать, главнымъ подвигомъ его ученой жизни. Если принять во вниманіе то, какое значеніе имѣетъ и всегда будетъ имѣть вопросъ о «платонизмѣ» отцовъ церкви для исторіи христіанскаго богословія, и именно, въ особенности, восточнаго, слѣдуетъ признать обращеніе русскаго мыслителя къ Платону и переводъ его твореній на русскій языкъ не безразличными и для русской богословской науки. Къ Платону обратился, какъ извѣстно, въ послѣдніе годы своей жизни и занялся его переводомъ и другой русскій философъ, В. С. Соловьевъ, хотя этотъ новый переводъ остановился въ самомъ началѣ и уже поэтому трудъ В. Н. Карпова продолжаетъ сохранять свое значеніе и донныѣ.

Но каково бы ни было вообще значеніе философіи для богословія, разовьется ли въ скоромъ времени такъ или иначе самобытная русская философія, которая содѣйствовала бы болѣе глубокому постиженію христіанскаго откровенія и развитію у насъ спекулятивнаго богословія, во всякомъ случаѣ, успѣховъ и самой философіи, и всякихъ умозрительныхъ попытокъ съ серьезнымъ значеніемъ въ области богословія можно ожидать лишь въ связи съ успѣхами въ другихъ областяхъ знанія, именно—въ сферѣ наукъ положительнаго характера, имѣющихъ дѣло непосредственно съ конкретною дѣйствительностью. Сюда относится исторія. Пытаться проникнуть во внутренній смыслъ фактовъ, дѣлать изъ нихъ тѣ или иные выводы, можно лишь тогда, когда самые факты установлены. При этомъ знаніе историческаго развитія самой мысли въ прошломъ необходимо для сознательнаго движенія ея къ успѣхамъ въ будущемъ. И христіанство, имѣя сверхъестественное происхожденіе, явилось въ мірѣ какъ фактъ исторіи; фактъ, а не идея лишь, есть уже самое воплощеніе Бога-Слова, полагающее начало новой религіи. Имѣетъ за собою длинную исторію и христіанское богословіе. Отсюда необходимость, прежде всякой спекуляціи, историческаго изученія христіанства.

Въ Россіи историческая наука, какъ и другія науки, какъ и философія, имѣетъ сравнительно лишь недавнее существованіе. Между тѣмъ на западѣ, и вообще прошлое человѣчества, и исторія христіанской церкви были уже предметомъ продолжительной и усиленной разработки. Очевидно, для представителей русской науки принять активное участіе въ работѣ надъ тѣмъ, что имѣетъ для нихъ общій интересъ съ наукою западной, можно не иначе, какъ возвысившись до уровня послѣдней, усвоивъ всѣ цѣнныя ея пріобрѣтенія и наиболѣе совершенные методы изслѣдованія. Но сразу и въ цѣломъ это обычно и въ другихъ областяхъ знанія не достигается, и естественно, что первыя стадіи развитія науки при подоб-

ныхъ условіяхъ могутъ сводиться въ общемъ только къ усвоенію уже готовыхъ результатовъ. Русскіе историки самостоятельными болѣе или менѣе съ самаго начала могли быть лишь въ предѣлахъ изученія своей русской исторіи (хотя нельзя не вспомнить и въ этомъ случаѣ, напр., участія въ дѣлѣ нѣмца Шлепера). Что касается вообще церковной исторіи, то самая постановка ея въ академіяхъ, призванныхъ къ ея разработкѣ, въ первое время не содѣйствовала развитію ея до равенства съ западною наукою. «Церковная исторія» въ академическомъ преподаваніи первоначально объединяла въ себѣ до пяти особыхъ каедръ, явившихся послѣ. Въ нее входила и библейская исторія—ветхозавѣтная и новозавѣтная, съ исторіей древней церкви въ ней соединялась и новая церковная исторія востока и запада, въ нее включалась и исторія русской церкви. Имѣлось и готовое руководство для преподаванія — «Начертаніе церковной исторіи» (1817—1818), составленное Иннокентіемъ (Смирновымъ) главнымъ образомъ (помимо исторіи русской церкви) по Вейсманну и Шпангейму, наряду съ подобнымъ же, составленнымъ, Филаретомъ по Буддею, «Начертаніемъ» (1816) для библейской исторіи. При обязанности заниматься вмѣстѣ съ общей церковной исторіей и русской исторіей, послѣдней, какъ требовавшей прежде всего отъ русскихъ ученыхъ разработки, и была посвящена, напр., большая часть изслѣдованій такого виднаго историка, какъ прот. А. В. Горскій, хотя онъ могъ съ успѣхомъ работать и въ другихъ областяхъ своей науки. Лишь начиная съ 50-хъ годовъ прошлаго столѣтія постепенно вводится здѣсь спеціализація: исторія русской церкви передается преподавателю русской гражданской исторіи (1851), новая церковная исторія выдѣляется въ особый предметъ (1857), отдѣляется, наконецъ, отъ древней церковной исторіи библейская (1869). Но и теперь, пока еще только вводилась эта спеціализація, общая церковная исторія въ преподаваніи, напр., И. В. Чельцова (1851—

1878), какъ и у выступившаго раньше его А. В. Горскаго (1833—1864, † 1875), отражала въ цѣломъ въ весьма сильной степени вліяніе западной науки — Неандера. Правда, появляются теперь весьма цѣнныя монографіи по отдѣльнымъ вопросамъ, исторія византійской церкви дѣлается предметомъ самостоятельнаго и глубокаго изученія И. Е. Троицкаго. Но и о трудѣ виднаго представителя общей церковной исторіи въ Россіи можно еще было слышать отзывъ западнаго ученаго, что западные чему-либо «новому изъ книги его не научатся» (Гарнакъ о сочиненіи А. П. Лебедева «Вселенскіе соборы IV и V вѣка». М. 1879).

Значеніе В. В. Болотова *) въ исторіи развитія русской церковно-исторической науки и заключается въ томъ, что онъ возвелъ ее въ своемъ лицѣ на тотъ высшій уровень, какой вообще возможенъ и для западныхъ историковъ, выступилъ представителемъ ея, равнымъ по компетентности лучшимъ западнымъ ученымъ, и именно—не въ отношеніи лишь къ какому-либо одному ограниченному отдѣлу своей науки, или спеціальному вопросу, мало изслѣдованному другими и бывшему предметомъ его собственнаго продолжительнаго изученія, но въ отношеніи ко всей широкой области исторіи древней церкви, которою онъ занимался.

*) О В. В. Болотовѣ ср. въ особенности: „Вѣнокъ на могилу въ Бозѣ почившаго ординарнаго проф. Спб. Дух. Академіи, доктора церковной исторіи, В. В. Болотова. Спб. 1900“ („Церк. Вѣстникъ“, 1900, № 16). Б. А. Тураевъ, некрологъ въ „Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія“, 1900, октябрь, 81—101. М. Рубцовъ, „В. В. Болотовъ. (Биографическій очеркъ)“. Тверь 1900. А. Бриллиантовъ, „Къ характеристикѣ ученой дѣятельности проф. В. В. Болотова, какъ церковнаго историка“, въ „Христ. Чтеніи“, 1901, I, апрѣль, 467—497 (и отдѣльно). И. А. Уберскій, „Памяти проф. В. В. Болотова“, въ „Христ. Чтеніи“, 1903, I, июнь, 821—849, II, июль 3—26, сентябрь, 265—277, октябрь, 399—406 (и отдѣльно). А. Бриллиантовъ, „Проф. В. В. Болотовъ. Биографическій очеркъ“, въ „Христ. Чтеніи“, 1910, I, апрѣль, 421—442, май—июнь, 563—590, июль—августъ 830—854 (и отдѣльно).

Если историковъ высшаго ранга характеризуетъ вмѣстѣ и строгая научность изслѣдованія, и граничащая съ художественнымъ дарованіемъ способность нагляднаго изображенія прошедшей жизни, то В. В. Болотову въ высшей мѣрѣ было свойственно то и другое. Какъ историкъ повѣствователь, онъ объединялъ въ себѣ болѣе или менѣе черты обоихъ своихъ учителей, И. Е. Троицкаго и И. В. Чельцова, ясность и стройность въ общей концепціи разсказа и наглядность въ представленіи конкретныхъ фактовъ. Но въ роли повѣствователя, съ цѣльнымъ послѣдовательнымъ изложеніемъ исторіи, онъ выступалъ лишь въ аудиторіи, и судить о немъ съ этой стороны можно почти только лишь по его академическимъ лекціямъ. Самъ онъ поставилъ для себя задачу уже съ начала своей дѣятельности выступать всегда въ печати лишь въ качествѣ изслѣдователя, дающаго всегда или нѣчто новое, или поправки къ старому, и съ этого пути потомъ уже не уклонялся, по собственному его позднѣйшему заявленію (1897). Отсюда объясняется крайне спеціальныи характеръ его ученыхъ трудовъ, гдѣ добытое прежними учеными предполагается извѣстнымъ для читателей и обосновываются лишь новые тезисы.

Очевидно, чтобы поставить такую задачу и послѣдовательно выполнять ее, нужно было въ совершенствѣ обладать всѣми необходимыми для того средствами. Мы въ дѣйствительности и видимъ въ немъ, прежде всего, феноменальное, можно сказать, по своей исключительности объединеніе направленныхъ на служеніе одной цѣли знаній изъ самыхъ разнообразныхъ областей. Духовная школа дала ему богословское и частію философское образованіе; особенное значеніе затѣмъ имѣли для него въ этомъ отношеніи занятія первымъ ученымъ трудомъ—диссертацией объ ученіи Оригена о св. Троицѣ. Но къ данному школой образованію онъ самъ присоединилъ еще то, чему эта школа научала лишь въ очень недостаточной степени,—прежде всего, широкія и поставленныя

на твердую научную почву лингвистическія познанія. Признавъ долгрмь для себя имѣть доступъ ко всѣмъ первоисточникамъ исторіи древней церкви, помимо знанія языковъ классическихъ и еврейскаго, онъ изучилъ еще рядъ восточныхъ языковъ: эѳіопскій, коптскій, сирійскій, армянскій, арабскій. Не составляли для него препятствія при ознакомленіи съ пособіями и новыя языки; кромѣ общеизвѣстныхъ—нѣмецкаго, французскаго, англійскаго и итальянскаго, онъ читалъ, напр., на датско-норвежскомъ, голландскомъ, португальскомъ. При этомъ общія лингвистическія знанія его далеко не ограничивались только этими языками. Будучи богословомъ и филологомъ, онъ былъ, далѣе, и математикомъ, обнаруживъ замѣчательную для богослова и лингвиста способность и склонность къ математическимъ исчисленіямъ и выступивъ несравненнымъ спеціалистомъ въ области хронологіи и пасхалии.

При столь разнообразныхъ знаніяхъ, для него одинаково доступны были всѣ стороны и области его предмета: и догматическіе споры отвлеченно-философскаго характера, и спеціальнѣйшіе вопросы хронологіи и исторической географіи,—и греколатинское христіанство, и разныя національныя восточныя церкви съ ихъ особымъ складомъ жизни и особыми литературами. Восточныя христіанскія общины, между прочимъ, особенно привлекали его вниманіе не только потому, что въ этой области изслѣдователь болѣе всего можетъ ожидать новыхъ результатовъ, но и въ виду важности ихъ изученія съ православно-восточной точки зрѣнія, при ихъ особой близости въ историческомъ отношеніи къ греко-восточной церкви. Но при своихъ знаніяхъ и своемъ методѣ онъ могъ приходить къ новымъ результатамъ и тогда, когда обращался и ко всякому менѣ благодарному матеріалу и касался вопросовъ изъ общедоступной по источникамъ области греко-латинскаго христіанства.

Къ желаемой цѣли разностороннія знанія могли при-

водитъ лишь подь условіемъ строго научнаго метода, поскольку и пріобрѣтаемы они были именно какъ орудіе изслѣдованія. Строгости научныхъ требованій В. В. Болотовъ могъ научиться прежде всего отъ своихъ академическихъ учителей, И. Е. Троицкаго и И. В. Чельцова, высоко всегда ставившихъ идеаль научно-объективнаго историческаго знанія. Потомъ, при дальнѣйшемъ самостоятельномъ развитіи, онъ избралъ образцами для себя въ ученой работѣ германскихъ ученыхъ, Павла де-Лагарда, оріенталиста съ широкими общими воззрѣніями, безпощаднаго обличителя всякой пенаучности, и Альфреда фонъ-Гутшмида, величайшаго, можетъ быть, въ XIX вѣкѣ представителя исторической критики и знатока хронологіи *). Поскольку В. В. Болотовъ слѣдовалъ этимъ примѣрамъ, у него, какъ замѣчаетъ проф. Б. А. Тураевъ въ его некрологѣ, о какихъ-либо методическихъ недочетахъ и промахахъ не могло быть и рѣчи. Для русской церковно исторической науки онъ, поэтому, какъ оцѣниваетъ его значеніе и нѣмецкій ученый, проф. Н. Бонвечъ, самъ слѣлался образцомъ и учителемъ критическаго метода, его значеніе опредѣляется не полученными лишь имъ результатами, но имѣетъ основаніе въ его строго научномъ стремленіи къ дѣйствительно плодотворному изслѣдованію и въ его методѣ **).

*) Ср. K. J. Neumann, *Entwicklung und Aufgaben der alten Geschichte*. Strassburg 1910. S. 75.

**) N. Bonwetsch, „Ein gelehrter russischer Theologe“, въ „Neue Kirchliche Zeitschrift“, XVIII, 1909, 7. Heft. S. 536—547. S. 540: „Man - versteht, wie seine Akademie stolz auf ihn war als auf einen Meister kritischer Methode“. Не безынтересно привести in extenso дѣлаемую здѣсь нѣмецкимъ ученымъ оцѣнку значенія В. В. Болотова, съ его специальнѣйшими детальными изслѣдованіями, съ точки зрѣнія западной германской науки. S. 546: „Zur peinlichen Sorgfalt in der Untersuchung des einzelnen angeleitet zu werden, das war es, was man an der Stätte der Wirksamkeit Bolotows am meisten bedurfte. Seine Bedeutung beruhte daher auch nicht auf den Ergebnissen, zu denen er in den einzelnen Fragen gelangt

Въ общемъ; было бы трудно (какъ соглашается съ этимъ и упомянутый нѣмецкій ученый, имѣя въ виду при этомъ одни лишь филологическія знанія его) *) указать и на западѣ, богатомъ всякаго рода выдающимися учеными дѣятелями, церковнаго историка, который совмѣщаль бы въ себѣ компетентность и богослова, и филолога, и математика-спеціалиста хронологіи, въ той степени, какъ В. В. Болотовъ, соединяя съ своими энциклопедическими знаніями въ то же время и строго научный методъ. Отъ де-Лагарда и фонъ-Гутшмида, бывшихъ чрезъ свои сочиненія учителями его, равно и отъ современныхъ извѣстныхъ представителей исторической и филологической учености, Эдуарда Швартна и Эдуарда Мейера, съ которыми, какъ съ высоко компетентными спеціалистами одинаково въ области и филологіи и хронологіи, можно бы сближать его, отличаетъ его именно то, что онъ былъ еще богословомъ по образованію, и какъ церковный историкъ по профессіи, направлялъ всѣ свои дарованія и знанія на служеніе церковно-исторической

ist, sondern auf dem streng wissenschaftlichen auf eine wirkliche Weiterführung der Forschung gerichteten Streben, das ihn erfüllte, und auf der Methode, die er in der Petersburger Geistlichen Akademie heimisch zu machen wusste. Gleich unseren westlichen Nachbarn (=французы) haben auch die Russen in der Regel die Gabe, wissenschaftliche Untersuchungen in einer Weise zu führen, die dem Verständnis jedes Gebildeten entspricht; die Kehrseite und der Fehler fast aller russischen Darstellungen ist dann eine zu grosse Breite, öfters auch ein Sichverlieren in allgemeine Erörterungen. Bolotow ist hiervon völlig frei. So wenig schulmässig seine Ausdrucksweise ist, so präcis ist er doch in der Durchführung seiner Aufgaben. Im Gegensatz zu jedem Probabilismus geht er stets auf die ersten Quellen zurück und schöpft aus ihnen mit peinlichen Genauigkeit. Daher die Erziehung zur wissenschaftlichen Arbeit, die durch ihn erfolgt ist und die ihm ein so lebendiges Gedächtniss gesichert hat“. Подчеркиваетъ нѣкоторыя выраженія въ данномъ случаѣ самъ нѣмецкій авторъ.

*) N. Bonwetsch. l. c. S. 537: „Kein anderer Kirchenhistoriker hat ihn meines Wissens darin erreicht“.

наукѣ, хотя и первымъ тремъ изъ названныхъ нѣмецкихъ ученыхъ эта наука весьма немало обязана.

Опредѣляя въ своихъ лекціяхъ отношеніе къ церковной исторіи богослововъ православнаго, протестантскаго и католическаго, В. В. Болотовъ указываетъ какъ на отличительную черту истиннаго каеволика — православнаго, въ противоположность протестантскому самодовольству личнымъ мнѣніемъ и католическому подчиненію мнѣнію папы, на внимательное отношеніе ко всякимъ чужимъ мнѣніямъ, сопровождаемое тщательной провѣркой и своего и этихъ мнѣній, безъ увѣренности въ собственной непогрѣшимости и безъ слѣпago довѣрія внѣшнему авторитету *). Очевидно, этимъ именно принципомъ долженъ руководиться православный богословъ, имѣя дѣло и съ результатами западной науки. Обязанный считаться съ тѣмъ, что уже сдѣлано долговременною работою запада, онъ однако только съ провѣркой можетъ принимать эти результаты. Но самостоятельное въ этомъ смыслѣ отношеніе православнаго богослова къ западной наукѣ и тѣмъ болѣе активное участіе въ той работѣ, которая давно ведется на западѣ, возможны лишь при вооруженіи всѣми нужными для того средствами. Что именно необходимо въ данномъ случаѣ, указываетъ примѣромъ всей своей ученой дѣятельности В. В. Болотовъ. Если самъ онъ въ цѣломъ, съ своими дарованіями, долженъ быть признанъ исключительнымъ до неподражаемости явленіемъ, онъ намѣчаетъ, во всякомъ случаѣ, единственно возможный путь къ плодотворному развитію русской не только церковно-исторической, но и вообще богословской науки,—въ привлеченіи на служеніе цѣлямъ этой науки всего, что могутъ дать другія отрасли знанія, и именно—свѣтскія науки, и въ примѣненіи строго научнаго метода изслѣдованія.

*) В. В. Болотовъ, Лекціи по исторіи древней церкви. I. Сиб. 1907. Стр. 30—38.

Итакъ, если завѣтъ духовной школы и богословской наукъ почтѣннаго уже ранѣе за свои заслуги представителя академической философіи можно видѣть, съ точки зрѣнія задачъ этой школы и этой науки, въ призывѣ къ философскому постиженію религіозной христіанской истины путемъ спекуляціи въ духѣ наиболѣе соотвѣтствующихъ этой цѣли опытовъ философствованія прежняго времени, то чувствуемый нынѣ, еще болѣе славный въ своей области, представитель исторической науки выступаетъ съ призывомъ къ строго научному изученію этой истины прежде всего въ ея историческомъ проявленіи, указывая и необходимыя для того средства. Безъ этого изученія, при игнорированіи историческаго прошлаго церкви и пройденнаго уже христіанскою мыслию въ прошломъ пути развитія, попытки философствовать по поводу данныхъ христіанскаго ученія могутъ и нынѣ приводить къ гносису лишь лжеименному и къ разнымъ уклоненіямъ отъ подлинной христіанской истины. Умозрѣніе и положительная наука, философія и исторія должны въ этомъ случаѣ взаимно дополнять другъ друга въ общей системѣ направленныхъ къ постиженію единой истины наукъ.

Академическій философъ, В. Н. Карповъ, выступая съ мыслью о самобытной русской философіи, предполагая, между прочимъ, полное соотвѣтствіе этой философіи вѣрѣ въ религіозную христіанскую истину, именно, какъ она нашла историческое выраженіе въ формѣ восточнаго православія. В. В. Болотовъ, изслѣдователь исторіи христіанства, исходилъ въ своей ученой дѣятельности изъ того убѣжденія, что вполне свободное и строго научное изслѣдованіе исторической стороны христіанства должно приводить лишь къ подтвержденію этой истины. Это совмѣщеніе религіозной вѣры и научнаго свободнаго знанія, въ полномъ ихъ развитіи и совершенной гармоніи, можно признать высшею характеристикою для призваннаго служить такъ или иначе богослов-

ской наукѣ и ея цѣлямъ дѣателя. И въ этомъ можно усматривать высшій и самый общій завѣтъ, о которомъ долженъ напоминать образъ того и другого почившаго дѣателя всѣмъ послѣдующимъ дѣателямъ на томъ же поприщѣ.

Проф. А. Бриллиантовъ.

Отъ Коммисіи по устройству бюста покойнаго профессора В. В. Болотова.

Всѣхъ денегъ, поступившихъ отъ учениковъ, друзей и почитателей почившаго профессора В. В. Болотова на увѣковѣченіе его незабвенной памяти, собрано до 19 апрѣля 1903 г. (дня освященія памятника на его могилѣ) 2.559 руб. 48 коп., а съ выросшими на нихъ процентами всего 2.635 руб. 83 коп. На устройство памятника и пр. израсходовано 1.825 руб. 7 коп. Остатокъ—810 руб. 76 коп. (см. отчетъ Коммисіи въ «Церк. Вѣстникъ» за 1903 г., № 17). А къ этому остатку, съ 1903 г. по 1911 годъ включительно, прибавилось еще 692 руб. 22 коп. (выросшіе на остаточный капиталъ проценты и новыя пожертвованія). Слѣдовательно, до конца 1911 года всего собрано «для увѣковѣченія имени покойнаго профессора В. В. Болотова» 3.328 руб. 5 коп. А за вычетомъ вышеуказанныхъ расходовъ на памятникъ и пр., къ концу 1911 года, съ новыми поступлениями оставалось 1.502 руб. 98 коп. Весь этотъ капиталъ израсходованъ теперь на устройство бюста покойнаго профессора В. В. Болотова. Израсходовано же всего на этотъ предметъ 1.750 руб. Недостающая сумма (247 руб. 2 к.) позаимствована, съ согласія гг. наставниковъ Академіи-собственниковъ академическихъ журналовъ и по постановленію Совѣта Академіи отъ 7 іюня 1911 года, изъ запаснаго редакціоннаго капитала, съ условіемъ возврата сдѣланнаго позаимство-

ванія къ своему первоисточнику отъ продажи «Лекцій» покойнаго профессора, печатавшихся въ приложеніи къ «Христ. Чтенію» и вышедшихъ отдѣльнымъ изданіемъ (пока въ 2-хъ выпускахъ), за покрытіемъ всѣхъ расходовъ сопряженныхъ съ этимъ изданіемъ.

Такимъ образомъ Коммиссія исполнила два пожеланія жертвователей на цѣль увѣковѣченія памяти почившаго профессора В. В. Болотова: устройство надгробнаго памятника на его могилѣ на Никольскомъ кладбищѣ Александро-Невской Лавры и устройство бюста въ актовомъ залѣ Академіи. А третье желаніе жертвователей постепенно осуществляетъ, по постановленію Совѣта, редація академическихъ журналовъ, издавая «Лекціи» приснопамятнаго профессора. Что же касается пожеланія нѣкоторыхъ ученыхъ друзей почившаго профессора В. В. Болотова видѣть въ печати полное собраніе его замѣчательныхъ ученыхъ трудовъ, то это пожеланіе остается и доселѣ неисполненнымъ.

Желающіе жертвовать на указанную цѣль и вообще на увѣковѣченіе памяти почившаго профессора могутъ вносить свои пожертвованія въ контору редакціи академическихъ журналовъ «Церковный Вѣстникъ» и «Христіанское Чтеніе».

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТР.
I. Десятилѣтняя годовщина со дня кончины профессора Васи- лія Васильевича Болотова. <i>П. Жуковичъ</i>	3
Рѣчь на могилѣ † проф. В. В. Болотова по случаю 10-лѣтней годовщины со дня его смерти, студ. III к. Аванасія Акимова.	9
Рѣчь Высокопреосвященнаго Николая, архіепископа Вар- шавскаго, сказанная въ Александро-Невской Лаврѣ. надъ могилой профессора В. В. Болотова.	13
II. Открытіе бюста † профессора Василія Васильевича Боло- това въ нашей Академіи. <i>И. Е.</i>	17
Рѣчь, сказанная предъ панихидою по профессорѣ В. В. Болотовѣ. Проф.-прот. <i>П. Лепорскій.</i>	22
Краткая рѣчь при открытіи и освященіи бюста † В. В. Болотова. Епископъ <i>Георгій.</i>	25
Нѣсколько словъ. Проф. <i>П. Жуковичъ.</i>	27
Заключительная рѣчь предъ бюстомъ почившаго про- фессора В. В. Болотова. Проф.-прот. <i>М. Орловъ.</i>	28
Рѣчь въ торжественномъ засѣданіи С.-Петербургской Духовной Академіи по случаю открытія бюста † про- фессора Василія Васильевича Болотова. Проф. <i>А. Бриг- ліантовъ</i>	32
Отъ Коммисіи по устройству бюста покойнаго профессора В. В. Болотова	45

**Издательство православной
богословской литературы
“АКСИОН ЭСТИН”
(Санкт-Петербург)**

Книги издательства “Аксион эстин” — это православные исследования, удачно сочетающие высокий научно-академический уровень и доступную форму изложения. Они будут интересны и полезны преподавателям и студентам богословских и гуманитарных ВУЗов, православных духовных академий и семинарий, всем верующим, желающим лучше понять христианское вероучение.

Посетите наш сайт в интернете по адресу:

www.axion.org.ru

На сайте:

- ✓ подробная информация о новоизданных книгах;
- ✓ возможность бесплатной загрузки большого количества электронных книг по богословию, библеистике, патрологии, которые легко читать на компьютере или распечатать на принтере;
- ✓ возможность заказать книги для доставки по почте (в том числе и электронные книги, которые высылаются на компакт-дисках).

**Ваши вопросы и пожелания направляйте,
пожалуйста, по электронной почте:**

info@axion.org.ru